

АФГАНСКИЙ ДНЕВНИК

«БОЛЬШЕ всего я пишу о вооружении и боеприпасах и немного о самих вооруженцах» — это выдержка из письма в редакцию, которой участник афганских событий полковник Александр Петрович Павлов сопроводил предложенные «Военно-историческому журналу» фрагменты своего военного дневника. Особое внимание он уделяет вооружению, но делает это отнюдь не потому, что для него превыше всего техника. Им, в первую очередь, руководит беспокойство о молодых офицерах, не имеющих не только боевого, но подчас и повседневного служебного опыта. «К сожалению, боевые действия в разных горячих точках не прекращаются, — разъясняет автор свою позицию, — и мне бы хотелось, чтобы молодые вооруженцы, прочитав мои записи, не повторяли наших ошибок».

Насколько ему удалось осуществить свой творческий замысел, можно судить по отзыву генерал-полковника Бориса Ивановича Ткача, который с сентября 1980 по май 1982 года командовал 40-й армией и под началом которого А.П. Павлов служил в Афганистане. Вот некоторые выдержки из этого отзыва:

«Все, кто участвовал в тех трагических событиях, считали нужным сказать свою правду об афганской войне. Александр Петрович Павлов, первый начальник службы ракетно-артиллерийского вооружения 40-й общевойсковой армии, также попытался рассказать правду о первых двух годах боевой деятельности своих подчиненных. Вел он записи по мере возможности ежедневно, после выполнения служебного долга, ночью, за счет коротких часов отдыха, и уже поэтому его дневник имеет неприукрашенную правдивость и историческую ценность. Герои его — непосредственные участники памятных событий — от солдата до генерала, от командира взвода до командующего армией, представители всех служб и управлений.

Опыт боевых действий 40-й армии, о котором рассказано в «Афганском дневнике» А.П. Павлова, становится уже достоянием истории, но он может и должен быть изучен профессиональными военными в первую очередь потому, что изучение прошлого дает возможность правильно провести анализ сегодняшних событий и наиболее вероятно спрогнозировать будущие, особенно сейчас, в период развертывания антитеррористической борьбы во всем мире».

Представляя читателям фрагменты из ранее неопубликованного дневника полковника А.П. Павлова, надеемся, что на них обратят внимание и издатели, и подлинники ценители отечественной истории, которые помогут автору опубликовать его «Афганский дневник» в полном объеме.

16.02.[19]80 г. Аэродром Тузель. Отсюда в Кабул летает наш почтово-санитарный ИЛ-18. Погода нелетная, но нужно сидеть и ждать, так как взлет может состояться в любую минуту. До Кабула отсюда часа полтора лёту. Пока нет ни таможи, ни досмотра, ни загранпаспорта. От нечего делать начинаю читать две небольшие брошюры, изданные политуправлением округа об Афгани-

стане. Страна солнца и гор, перекресток дорог и времен. Протяженность территории около тысячи километров с севера на юг и столько же с запада на восток. Климат жаркий, очень жаркий. Высота горных хребтов достигает пяти километров...

Между тем дело шло к вечеру, погода не улучшалась, улететь не удалось, поэтому пришлось вызывать машину и возвращаться обратно в гостиницу.

На другой день аналогичная картина с отлетом повторилась.

18.02.[19]80 г. Аэродром Тузель. Наконец распогодилось, и часов в восемь на Кабул пойдет почтово-санитарный. Билеты брать не нужно — доставят бесплатно.

В назначенное время взлетаем. Вот и граница. Смотрю в иллюминатор, но пока ничего интересного — внизу зубцы гор, покрытые снегом. Ни поселков, ни городов, ни полей, ни лесов. Однако чем дальше к югу, тем картина становится более захватывающей.

Вот и Кабул. Самолет снижает-ся и идет на посадку.

Ступаю на афганскую землю...

Вокруг самолета полно военного народа, все с оружием, у всех загорелые, обветренные лица. Одни встречают, другие улетают обратным рейсом. Рядом стоят под разгрузкой еще два громадных ИЛ-76. Немного дальше, у края бетонки, выстроились легковые, грузовые автомобили и бронетранспортеры. В Кабуле стреляют, поэтому действует строгий приказ ездить по городу только под защитой брони.

Меня никто не встречает, отхожу со своим багажом в сторону и осматриваюсь вокруг. Прямо горы, слева горы, справа горы, сзади горы — кругом горы. Огромное поле аэродрома идеально ровное.

Ко мне подошел начальник разведки армии полковник Дунец, с которым мы вместе летели в самолете, и предложил ехать до штаба в его бронетранспортере. Я с благодарностью принял предложение Василия Васильевича, но оказалось, что за ним прислали не бронетранспортер, а разведывательную машину БРДМ, в которую мы еле втискиваемся вместе с чемоданами, сумками и коробками.

Хочется рассмотреть город, но через смотровые щели боевой машины почти ничего не видно. Примерно минут через тридцать останавливаемся — прибыли на место. Выбираю на броню и закрываю глаза от нестерпимого солнечного света, отраженного и усиленного снеговыми горами. Перевозу взгляд на грешную зе-

млю, и настроение мое резко меняется: кругом жирная, липкая, глубокая и сплошная грязь, размешанная многочисленными колесами и ногами.

Здесь, у подножия горы, и разместился на окраине Кабула штаб армии по-полевому, т.е. в машинах, кунгах и специальных штабных салонах. Все окрестные овраги и лощинки забиты многочисленными штабными машинами, в которых, как на учениях, люди и работают, и отдыхают. Но учения длятся обычно всего несколько дней, да и то все с нетерпением ждут, когда они закончатся, а тут конца не видно... Смотрю на свои блестящие, шитые на заказ сапоги и спрыгиваю с брони в грязь, которая приходится мне выше щиколотки.

Командир батальона охраны майор Лис показывает в сторону соседнего оврага, где размещалась служба ракетно-артиллерийского вооружения (РАВ). Двигаюсь по грязи в указанном направлении и чувствую быструю усталость, сердце бьется учащенно, как будто не хватает воздуха. Соображаю, что здесь же высокогорье, порядка двух километров над уровнем моря, и нужно привыкнуть к новым условиям.

Служба РАВ разместилась в двух штабных машинах – в «бабочке» и спальном кунге, которые стояли рядом в отрытом полукопее под масксетями, уткнувшись радиаторами в бугор.

Прямо напротив входа в «бабочку» за большим штабным столом, отделанным зеленоватым пластиком и алюминиевым уголком, сидел полковник в черной танкистской куртке, полевой фуражке и резиновых сапогах.

Я поздоровался и представился.

— Исполняющий обязанности начальника службы РАВ армии Соколов Владимир Николаевич, — ответил он.

Как мне сказали еще в Ташкенте, это был вооруженец старой закалки, вынесший на своих плечах основную тяжесть при отмотбализовании и вводе войск. Все отзывались о нем тепло и с большим уважением.

По новой оргштатной структуре службы РАВ, бронетанковая и автомобильная, объединялись в управление вооружения под началом заместителя командующего по вооружению. Вводился и соответствующий штаб, возглавлять который и должен был Соколов, идя на повышение в связи с моим приездом ему на смену.

Честно говоря, новая оргштат-

ная структура меня не вдохновляла: утрачена самостоятельность, отобраны ракетно-технические части, сокращены два офицера, прибавилось начальства, а главное — не решен вопрос с боеприпасами, поскольку за обеспечение ими отвечает служба РАВ, а транспорт находится в руках начальника тыла.

Без долгих церемоний мы с Владимиром Николаевичем приступили к приему-передаче должности.

Прежде всего уточнили сроки ввода подчиненных частей: зенитной ракетной базы, армейской мастерской и армейского склада боеприпасов, затем подробно рассмотрели ведомости обеспеченности вооружением и боеприпасами. Последние меня волновали больше всего, но Соколов успокаивал тем, что интенсивных боевых действий пока нет, а в войсках созданы повышенные подвижные запасы. Кадрами, за исключением армейского звена, служба была укомплектована полностью.

Правда, в войсках много молодых, неопытных офицеров, в основном выпускников Пензенского высшего артиллерийского училища, которые, прямо скажем, не подготовлены к практической работе в боевых условиях.

Ближе к вечеру стали собираться в «бабочке» и докладывать о работе за день офицеры службы.

Первым появился мой заместитель майор Юсупов. Он назначен на эту должность прямо после окончания факультета руководящего инженерного состава (ФРИС) артакадемии. Винер Кашфулович, так звали его, успел уже отличиться в боях с душманами и представлен к медали «За боевые заслуги». Волевой, подготовленный, исполнительный офицер.

Потом подъехали офицеры округа: подполковник Соснарц из ремонтного отдела, майор Ласкарев из третьего отдела и зенитчик капитан Мельников. Теперь все трудности, доставшиеся этим офицерам при отмотбализовании и вводе войск, были позади, и некоторые подробности и эпизоды представлялись уже в забавном свете. Однако при слове «отмотбализованье» они еще вздрагивали, и чувствовалось, что этот период был для них сплошным кошмаром.

19.02.[19]80 г. Кабул. Шесть утра. Страшно неохота вылезать из постели и идти месить грязь.

После завтрака ко мне подошел офицер.

— Вас вызывает к себе заместитель командующего армией по вооружению генерал Журавель, — доложил он.

Георгий Васильевич Журавель только что вернулся из войск и находился в своем кунге, который служил ему и рабочим кабинетом, и местом для отдыха. Подвижный, сухощавый, среднего роста, с загорелой лысиной, с коротко подстриженными седеющими волосами. Сам он танкист. Говорили, что обладает спартанской закалкой и в сорокоградусную жару, облачившись в черный танковый комбинезон, может досконально проверить любой танк.

Генерал после короткого знакомства повел меня представляться командарму — метров сто по непролазной грязи.

Генерал-лейтенант Тухаринов, высокий, с крупными чертами лица и гладко зачесанными назад седыми волосами, сидел в меховой куртке за походным столом и хмуро рассматривал лежащую перед ним карту боевой обстановки.

Однако, к моему удивлению, посадил рядом с собой и внимательно выслушал биографию и прохождение службы, задавал вопросы. Потом взял карту и подробно обрисовал обстановку: удаленность от баз снабжения, разобщенность войск по направлениям, отсутствие железных дорог, наличие горных перевалов и активность контрреволюционных элементов, ведущих боевые действия партизанскими методами. В заключение поставил четкую задачу по службе: бесперебойно снабжать войска боеприпасами и вооружением, быстро ремонтировать оружие, совершенствовать способы боевого применения оружия.

— Задача ясна? Вопросы, просьбы?

По опыту прошлой службы я знал, что с командармом встречаешься не каждый день и самые важные вопросы всегда нужно держать наготове.

Вопросы не должны быть мелочные и их не должно быть много. Лучше всего один вопрос, в крайнем случае не больше трех. Вот и теперь, по старой привычке, я держал в голове эти самые вопросы.

— Задача мне ясна, товарищ командующий, — ответил я, — есть просьба: развернуть два отделения армейского склада боеприпасов, армейскую мастер-

скую в батальон и дать мне в руки транспорт для подвоза боеприпасов.

Мои просьбы были встречены без всякого энтузиазма, даже вызвали недовольство.

— Государство и так много делает для нашей армии, — осек меня командующий, вставая из-за стола. — Выходить нам с новыми просьбами просто неуместно, нужно решать задачи тем, что есть.

— Но если эти вопросы жизненно необходимы для выполнения стоящих задач?

Возможно, командарм и раньше думал над этими проблемами, и ему нужен был лишь единомышленник, лишь толчок. Так или иначе, но он сменил, как говорится, гнев на милость:

— Хорошо, подготовьте по этим вопросам телеграмму для командующего округом.

По заведенному для себя правилу не откладывать исполнение указаний начальников в долгий ящик я, вернувшись к себе, сначала записал задачи, поставленные командармом перед службой, а потом стал набрасывать текст телеграммы.

В это время зазвонил телефон. Оперативный дежурный передавал приказ командарма собраться начальникам родов войск и служб в центре боевого управления.

Оказывается, поступили сведения о том, что в ближайшее время ожидают выступления контрреволюционных элементов, в связи с чем вводится повышенная боевая готовность. Необходимо усилить охрану, проверить средства связи, установить круглосуточное дежурство из числа начальников и их заместителей, в отделах произвести боевые расчеты всего личного состава, определить каждому позицию и сектор обстрела, проверить оружие и боеприпасы.

Новость для меня ошеломляющая: ни дать ни взять с корабля на бал попал. Хотя какой там бал?!

— Пригласите ко мне командира батальона охраны, — распорядился я, возвратившись от командарма.

Через несколько минут в «бачку» поднялся майор Лис.

— Сколько у нас боеприпасов? — спросил я.

— У солдат носимые нормы, а у офицеров в отделах, кроме пистолетов, ничего нет.

— А чем же мы, черт подери, будем здесь обороняться? Немедленно посылайте в соседний

полк три машины с охраной за боеприпасами, ручные гранаты возьмите оборонительные и наступательные. Сегодня до вечера мы должны раздать боеприпасы, особенно гранаты, во все отделы.

Когда прибыли машины с боеприпасами, раздача последних по отделам много времени не заняла.

Наконец снаряжаюсь сам: подсумок с четырьмя магазинами на ремень справа спереди, подсумок с двумя гранатами слева впереди, автомат. С непривычки чувствуется тяжесть оружия, мешают подсумки.

«А как же солдатам в горах с таким снаряжением? — подумал я. — Как им ползти, как взобраться на скалу?..»

20.02.[19]80 г. Уже час ночи, но у нас пока все спокойно. В городе, который находится отсюда километрах в трех, слышен гул толпы, заполнившей все улицы.

С утра над нами один за другим стали проноситься вертолеты и самолеты — похоже, вся наша авиация зависла над Кабулом. К полудню мятежникам удалось захватить элеватор, но подошедшая наша мотострелковая рота в часовом бою выбила их оттуда. Попытки захватить телецентр, банк и телеграф мятежникам не удалась.

Горит гостиница, стреляют по нашим БТР, бросают бутылки с горючей смесью, все дороги перекрыты.

В это время в службу одна за другой стали идти женщины — машинистки, поварихи, связистки и прочие.

— Выдайте нам оружие! — просят они.

У нас хранился ящик с автоматами, и мы смогли вооружить ими человек двадцать.

Между тем наступление мятежников захлебнулось, и к вечеру обстановка в городе нормализовалась. Повышенная боевая готовность была снята, и жизнь пошла обычным порядком.

25.02.[19]80 г. Продолжается ввод войск в Афганистан. Завтра вводится зенитная ракетная база.

26.02.[19]80 г. В половине четвертого послышался шум моторов БТР, и я понял, что нужно собираться. Как я горько пожалел, что оставил в Кишиневе ватную куртку и ватные брюки! Лучше было бы не брать парадную форму, которая вообще не пригодилась. Но выручили офицеры — дали

мне из каких-то своих запасов и куртку, и теплые брюки, незамеченные при езде на бронетехнике. Кроме пистолета беру с собой автомат с одним магазином.

Как я заметил, многие офицеры носят с собой по два-три магазина, увязывая их изолентой в пакет с подавателями в разные стороны, но я нашел другой выход — просто взял большой магазин от пулемета РПК.

Возле бронетранспортера меня поджидал начальник бронетанковой службы полковник Владимир Дмитриевич Мичалин. Он уже проверил и машины, и экипажи, провел инструктаж, и осталось только тронуться в путь.

Примерно через полчаса езды мы прибыли на место.

Только-только рассвело. Небо закрыли низкие тучи. Сеялся редкий снежок.

Батальон стоял сбоку дороги во взводных колоннах. На правом фланге возвышались массивные башни приданных батальону самоходок «Акация», за ними громоздились танки, еще дальше — боевые машины пехоты и наконец шесть автомобилей ГАЗ-66, загруженных боеприпасами. Эти машины и имел в виду командарм, когда приказал, «чтобы все было укрыто под броню».

Подойдя к крайней боевой машине, я постучал по броне. Открылся люк, и оттуда показалась заспанная голова командира взвода.

Я приказал ему построить экипаж в полном снаряжении и вынести наружу все патронные коробки.

Когда все десять человек пулеметного отделения составили патронные коробки в один ряд и построились, выяснилось, что больше половины пулеметных лент пусты.

— Как же вы собирались воевать? — спросил я лейтенанта. — Немедленно снарядите патронами все ленты.

— А где взять патроны?

— Вот в тех машинах ГАЗ-66, что под брезентом.

После выполнения этого приказа мы с Мичалиным принялись за боеукладку. Нужно было разместить внутри еще несколько ящиков с патронами и гранатами. Но они загроможили боевое отделение и мешали десанту.

Решили выбросить деревянные ящики, а патроны в цинковых емкостях разместить в углублениях под сиденьями. Туда нам удалось втиснуть 13 «цин-

ков» винтовочных, 4 автоматных и 3 «цинка» сигнальных патронами разных огней. Кроме пехотного подразделения, где сумели уложить 9 емкостей с винтовочными и 10 с автоматными патронами, в остальных подразделениях нагрузка боеприпасов получилась такая же.

Возникла проблема с ручными гранатами. Их в каждой БМП должно быть не менее чем по одному ящику оборонительных и наступательных. Но куда все это положить?

— Вы ожидаете встретиться в рейде с бронированными целями? — спросил я у лейтенанта.

— Никак нет. У душманов пока одно стрелковое оружие.

— Тогда выгружайте ПТУРСы, а вместо них укладывайте ящики с гранатами.

Наконец очередь дошла до боеукладки пушки «Гром». Ее конвейер, как и положено, был снаряжен 24 кумулятивными и 16 осколочными выстрелами. Но опять же зачем столько кумулятивных, если не будет бронестрел? Решили и этот вопрос.

Когда солдаты заняли свои места, жалоб на тесноту и неудобства для стрельбы из бойниц не последовало. Прозвучала лишь просьба заранее вскрыть несколько «цинков» с патронами. Хотя для любого вооруженца вскрытые «цинки» и патроны рассыпью — нож в сердце, я согласился: в бою некогда этим вскрытием заниматься.

Затем я собрал всех командиров рот и распорядился:

— Нужно загрузить боеприпасами каждую боевую машину так, как загружена эта. Зарисуйте в своих блокнотах схему загрузки и немедленно приступайте к работе.

Офицеры уже и сами давно поняли суть дела, и, когда разошлись по своим подразделениям, батальон превратился в муравейник: одни снаряжали пулеметные ленты, другие укладывали «цинки», третьи выгружали ПТУРСы и размещали на их место гранаты.

Между тем настала пора выдвигаться для встречи зенитной ракетной бригады.

Часов в 14 выходим на главную дорогу, похожую, если смотреть на карту, на огромную подкову, у которой один конец упирается в Термез, а другой — в Кушку.

1.03.[19]80 г. Баграм. Прибыл в зенитную ракетную бригаду, заступившую на боевое дежурство. Ее пусковые установки с задран-

ными вверх ракетами виднелись по всему аэродрому.

Из беседы с главным инженером узнаю, что в пути к месту базирования несколько ракет получили повреждения, но их еще не успели проверить. Такое положение было недопустимым, и я приказал тут же выяснить состояние всех ракет.

Пробираясь по размокшей глинистой почве от одной пусковой установки к другой, где-то часа за три мы с главным инженером и расчетами осуществили проверку, выяснив все повреждения: там разбит обтекатель носовой части, там поврежден пороховой двигатель, там происходит утечка топлива.

За счет перекомпоновки пять ракет удалось восстановить на месте, а две с многочисленными поломками нужно было отправить в центр.

Когда я вернулся на главную базу, оказалось, что и там имеется одна неисправная ракета. При этом никто не знал, когда и как ее топливный бак был прострелен. Пуля явно была случайной, иначе душманы, если бы вели прицельный огонь из засады, продырявили бы не один огромный контейнер. Так или иначе, но уязвимость ракет была очевидной, о чем много говорилось еще раньше. Теперь же со всей остротой встал вопрос: как защитить и уберечь дорогостоящую ракету в условиях партизанской войны от засад, от снайперов, от диверсионных групп?

Охранные меры, как видим, не помогли. Конечно, охрану нужно усиливать, но важнее ракетные контейнеры сделать пуленепробиваемыми.

3.03.[19]80 г. После трехсуточного пребывания в обустроенной ракетной бригаде мне предстояло поглубже вникнуть в дела армейского артсклада. Во внутренних округах подобных не имелось, поскольку обычно армейские запасы хранились на окрестных складах.

Здесь же свои особенности. Во-первых, запасы подвижные, т.е. их должно быть столько, сколько может поднять армейский транспорт одним рейсом. Во-вторых, все боеприпасы находятся в окончательно снаряженном виде. В-третьих, кроме них имеется и большое количество вооружения, приборов и материалов.

Впрочем, такие склады мне встречались и в Группе советских войск в Германии. Такие да не та-

кие. До сих пор помнил их по названиям деревушек: Редерау, Доненвальде, Альтенграбов, Альтенхайн, Альтес-Лагер. Они были похожи друг на друга, особенно по обустройству технических территорий: бетонные внутрискладские дороги, железнодорожные ветки к каждому хранилищу, тоже железобетонному, уходящему под толщу земляной обваловки и скрытому сверху со снами, механизация погрузочных работ, противопожарная и охранная системы. Их живописные территории скорее напоминали санаторно-курортные зоны...

Афганский армейский артсклад сразу же обременил мою голову безопасными размышлениями: как обеспечить в здешних условиях его живучесть, которая, что общеизвестно, достигается укрытием боеприпасов в хранилищах, разнесенных друг от друга на безопасное расстояние и обвалованных? Но здесь даже примитивных хранилищ нет и, наверное, не будет; все боеприпасы — в штабелях, разности которые можно тоже в ограниченных пределах. Остается одно — зарываться в землю.

Будучи в Пули-Хумри, я предварительно ознакомился с местом расположения артсклада, территория которого примыкала прямо к горам и во многих местах пересекалась гребнями горных отрогов.

Поэтому единственным, на мой взгляд, оптимальным решением в этой обстановке было рыть в отрогах гор и складках местности так называемые капониры размером 7 на 15 метров и емкостью до двух вагонов каждый на расстоянии 50 метров друг от друга. Начинать работы следовало с подножия холма, постепенно продвигаясь внутрь и используя вынутый грунт в качестве дополнительной обваловки. Дно капониры можно было выкладывать камнем, вокруг штабелей устраивать водоотводные канавки и водосборники.

Это — первоочередное. Что касается ограждения, грозозащиты, системы пожаротушения и прочего, все это потом. А еще сейчас нужно принять 30 единиц различной техники, 90 человек штатного личного состава, наладить быт. Острым оставался и вопрос в отношении экскаватора, в расчете на который строилась вся моя идея, но с доставкой которого не было ясности.

Закончив теоретические рассуждения, перешли к практической разметке местности прямо напро-

**В БЛИЖАЙШИХ
НОМЕРАХ**

тив нашей «бабочки». Возвышавшийся гребень холма подходящих размеров мы в течение часа исшагали вдоль и поперек, определяя размеры капониров, расстояния между ними, обговаривая технологию предстоящих работ.

Участвовали все: и заместитель начальника артсклада по технической части старший лейтенант Вешин, и начальники отделов хранения старшие лейтенанты Герасимов, Насекин, Кукушкин, и начальник пункта ремонта лейтенант Патрикеев, и начальник учетно-операционного отдела старший лейтенант Колмыков.

6.03.[19]80 г. На должность старшего офицера без указания специальности прибыл майор Вячеслав Александрович Пруд. Определил ему круг обязанностей: отвечать за наземную артиллерию и одновременно выполнять функции начальника штаба, то есть вести секретное делопроизводство и рабочую карту службы, составлять и передавать ежедневные сводки, а главное — многочисленные справки для штаба управления вооружения, взаимодействуя с ним, следить за оперативной обстановкой. Закончив беседу с майором, решил пройти к артиллеристам и познакомиться с ними поближе. Ведь половина выполняемых службой задач приходится на артиллерию.

По новой оргштатной структуре начальник ракетных войск и артиллерии теперь назывался командующим артиллерией. История с переименованием этой должности то в начальника, то в командующего уже повторялась несколько раз, и теперь в армии было аж четыре командующих: артиллерией, ПВО, воздушной армией и сам командарм.

Пехотные командиры относятся к этому ревниво: по их мнению, должен быть только один командующий — армией. Артиллеристы, зная об этом, всю старались подразнить пехоту, а также подчеркнуть свою особенность и где надо и не надо щеголяли собственным командующим. На общих же официальных совещаниях это слово не произносилось вообще, обходились воинскими званиями.

Штабные машины артиллеристов стояли рядом с центром боевого управления, был на месте и командующий артиллерией армии полковник Александр Константинович Близнюков. Он оказался классическим артиллеристом — высокопрофессиональ-

ным, интеллигентным, человечным. Мы быстро нашли взаимопонимание по всем вопросам. А их возникло даже больше, чем ожидалось: невероятно мало равнинных таблиц стрельбы, горных же — вообще единицы, а к реактивной установке «Град» и вовсе нет; не хватает дальномеров — старые, типа «ДС», сняты с производства, а новые, «ДАК», только начали поступать, к тому же они очень тяжелые, и артиллеристы мечтают о легком дальномере («размером с бинокль»). Незамедлительного решения требовала проблема с оружейной подсветкой: аккумуляторы из комплекта «Луч» были или растеряны, или вышли из строя, или не заряжены.

Не откладывая ликвидацию узких мест на потом, срочно составили и отправили по закрытой связи телеграмму в округ, кроме того, я запросил помощи у представителя Главного ракетно-артиллерийского управления генерала Олега Михайловича Кичаева.

Ближе к вечеру в службу прибыл еще один офицер — Валентин Александрович Ерохин. Капитан, хотя уже в годах. Окончил Тамбовское училище, служил все время в войсках, был советником во Вьетнаме. Взысканий не имел. Особых наград — тоже, но ведь это не повод для того, чтобы переклаживаться в одном звании.

Мне стало понятно, что сидящий напротив меня лысоватый, полнеющий капитан из тех скромных трудяг, которые всю жизнь тянут нелегкую лямку нашей службы, не претендуя ни на должность, ни на звания и, к сожалению, таких «карьеристов» немало среди вооруженцев.

— Вот что, Валентин Александрович, — сказал я. — Получите назначение на майорскую должность старшего офицера и будете заниматься ремонтом вооружения. Всецело отвечаете за армейскую ремонтную мастерскую, кроме того, вашей задачей является обеспечение войск запасными частями, специальными материалами и технической литературой. Естественно, что предстоит также заниматься дисциплиной в подчиненных частях.

Теперь почти все офицеры на месте, кроме зенитчика, но приказ о назначении на эту должность капитана Валентина Григорьевича Кисляка уже имеется.

Полковник запаса А.П. ПАВЛОВ
(п. Фошня Орловской обл.)

(Продолжение следует)

● В очередных номерах журнала подавляющая часть материалов посвящена Великой Отечественной войне. Так, журнал начинает публикацию серии статей генерал-лейтенанта в отставке Е.И. Малашенко «Командармы Великой Отечественной войны», где будут представлены краткие биографии и портреты командующих армиями периода 1941—1945 гг. Опираясь на архивные источники, автор приводит малоизвестные факты из жизни советских военачальников.

● Под рубрикой «Великая Отечественная: из истории вооружения и техники» будет завершена публикация статьи А.П. Жарского «Боевое применение фронтовых и армейских узлов связи в годы Великой Отечественной войны».

● Из статьи кандидата военных наук полковника запаса М.Я. Тарасова «Русские... полным ходом устремились к Выборгу» читатели узнают интересные факты о разгроме финской армии на Карельском перешейке и в Южной Карелии летом 1944 года.

● Боевым действиям на северо-западе посвящена и статья кандидата исторических наук, профессора В.А. Чернухина «Несостоявшийся "Нордлихт"» — о полной драматизма Синавинской операции 1942 года, благодаря которой удалось сорвать гитлеровский план по генеральному штурму Ленинграда.

● Новой акцией журнала является публикация оперативных сводок Совинформбюро, день за днем освещающих ход боевых действий. В очередном номере будут опубликованы краткие сводки за январь 1945 года.

● Из других материалов следует отметить статьи кандидата педагогических наук полковника В.М. Курмышова о проблемах базирования Балтийского флота в 1921—1941 гг. и кандидата исторических наук капитана 1 ранга С.Л. Ташлыкова «Мы должны диктовать противнику способы и интенсивность ведения действий», в которой речь идет об эволюции военно-морской стратегии США в 1980—1991 гг.

● Будут опубликованы также хронограф, отзывы о новых книгах, письма наших читателей, календарь праздников и памятных дат на 2005 год.